

Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине

Андрей Манойло, Профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, доктор политических наук

Современный мир находится в состоянии нарастающей турбулентности и хаотизации системы международных отношений, типичной чертой которой являются гибридные войны, торговые войны и «цветные революции». Вместе с тем обострение отношений России с Западом на данном этапе носит не случайный, а объективный характер и обусловлено самим ходом исторического процесса. Переменными величинами в этом процессе являются лишь конкретные обстоятельства и формальные поводы столкновения России и Украины, спровоцированного Западом, готовившим этот конфликт как минимум все последние десять лет.

Первые шесть месяцев специальной военной операции (СВО) на Украине дали уникальный опыт использования различных форм и методов информационной и психологической борьбы в реальных боевых условиях. При этом нельзя утверждать, что с началом специальной военной операции на Украине в технологиях информационных войн появилось что-то новое; напротив, мы видим возвращение к старым, давно известным методам специальной пропаганды, порядком подзабытым в эпоху монополии на информационные операции специальных служб, ведущих свои оперативные игры на каналах ОТКС (2014-2021 гг.). В самом деле, начало СВО привело не к прогрессу технологий информационной войны, а, напротив, к их регрессу: стратегические информационные операции и оперативные игры разведок отошли на второй план, уступив место более простым и массовым идеологическим диверсиям, провокациям, довольно простым формам дезинформации и фейкам.

Связано это было в первую очередь с недостатком времени для планирования и реализации тонких многоходовых оперативных комбинаций типа «дела Скрипалей» или «аргентинского кокаина» [3] и в не меньшей мере с отсутствием кадров, способных в такие оперативные игры играть.

Оценка оперативной обстановки

Российская сторона, начиная СВО, рассчитывала провести ее быстро, только силами военных, подписав мирный договор. В этом плане ставка делалась на внезапность, на эффект неожиданности (мировое сообщество, шокированное началом СВО, должно было «впасть в ступор» и на некоторое время ограничиться только эмоциональной рефлексией) и на то, что, когда мировое сообщество наконец опомнится, война уже закончится, а победителей, как известно, не судят (Крым это показал). В условиях быстрого и победоносного продвижения союзных сил вглубь территории Украины от сил информационных операций требовалось только элементарное - постоянно поддерживать боевой дух наступающих вооруженных сил вбросами лозунгов и патриотической риторикой, самой простой и примитивной, достаточной для эмоциональной накачки и подзарядки бойцов и командиров. Считалось, что в этих условиях для настоящих информационных операций (специальных разведывательных операций на каналах ОТКС - оперативных комбинаций и игр специальных служб), подготовка к которым может занимать от шести месяцев до полутора лет, времени просто не останется. Значит, они не нужны.

Что касается украинской стороны, то она в целом оказалась готова к информационным мероприятиям союзных сил, имея на начало СВО грамотно выстроенную американскими специалистами систему центров информационно-психологических операций (ИПСО), укомплектованных национальными кадрами, прошедшими подготовку в разведцентрах США, с руководством, напрямую подчиняющимся американским разведывательным службам (ЦРУ, РУМО) и британской МИ-6. При этом сами центры оказались интегрированы в разведывательную сеть США в статусе региональных командований, получая приказы непосредственно из разведцентров

и прямой доступ (с известными ограничениями, разумеется) к разведывательной информации, добываемой АНБ, ЦРУ, РУМО и другими разведками США.

В результате, когда началась СВО, российская сторона столкнулась не с «колониальными войсками», обученными американскими инструкторами «европейской тактике» ведения информационной войны, а с самими разведками США, Великобританией и другими, действующими «под чужим флагом» и делающими свою работу руками украинских националистов. В этих условиях западные разведки сохранили способность организовывать масштабные провокации и проводить на их основе оперативные комбинации (такие, как инцидент в Буче), но первые два-три месяца они также были вынуждены переключить своих украинских пособников на решение задач боевого слаживания (чтобы те просто не разбежались), ограничив их боевое применение производством массовой пропаганды, простых и не менее примитивных фейков, дезинформации, идеологических диверсий. В итоге на тактическом уровне и здесь наметился регресс, характеризуемый скатыванием к использованию грубо сделанных идеологических подделок, легко разоблачаемых противоположной стороной, как только пройдет вызванный ими мгновенный шоковый эффект.

Взаимодействие Украины с иностранными военными организациями и спецслужбами

В рамках интеграции Украины в структуры НАТО к подготовке персонала центров ИПсО привлекаются инструкторы специальных подразделений США и прочих западных стран, в частности американские специалисты из IV группы военных операций информационного обеспечения Армии США (4th Psychological Operations Group, ранее именовалась 4th Military Information Support Group / 4th POG). Кроме того, с конца 2018 года прикомандирована и выполняет специальные задачи группа инструкторов 77-й бригады (77th Brigade) - специального подразделения информационно-психологических и киберопераций ВС Великобритании. Также специалисты центров ИПсО периодически проходят тренинги на американских базах¹.

В указанных центрах на постоянной основе выполняют обязанности иностранные специалисты и инструкторы из США, Канады, Польши, Литвы, Эстонии, Швеции и Бельгии. В рамках реформирования и структурной реорганизации Вооруженных сил Украины (ВСУ) под стандарты НАТО и создания в феврале 2020 года Командования войск связи и кибернетической безопасности на базе центров ИПсО Сил специальных операций ВСУ планируется создать подразделения, идентичные киберцентрам НАТО.

Поддерживается сотрудничество с Рижским центром стратегических коммуникаций НАТО (Латвия), Литвой, Польшей. Основной целью названных мероприятий выступают дестабилизация политической и социальной обстановки в Белоруссии и России, оказание поддержки оппозиции и функционерам движений экстремистской направленности, содействие распространению среди населения антирусских настроений².

В информационно-психологической сфере существенную помощь киевскому режиму оказывают Нидерланды. В частности, осуществляется мощная медийная поддержка Украины через развернутую сеть СМИ, которые поддерживают украинские нарративы. Отметим, что Нидерланды и Великобритания взаимодействуют и взаимодополняют друг друга в данном (и не только) направлении.

Провокация в Буче

Буча для провокации была выбрана, поскольку созвучна английскому слову «butcher» - «мясник». Сама провокация технологически напоминает те, которые осуществлялись коллективным Западом против России и ранее. Например, в сирийском городе Алеппо русских обвиняли в том, что они якобы травили сирийцев газом. Схожая провокация была в Сребренице (там вместо русских были сербы). Подобные провокации имели место в первую и вторую кампании в Чечне («русские убивают всех без разбора»).

В случае с провокацией в Буче после ухода ВС РФ украинские нацисты убивали тех, кого заподозрили в помощи русским военным или хотя бы в симпатиях к ним. Затем убитых людей называли жертвами русской агрессии. При этом данная провокация использовалась коллективным Западом и киевским режимом для отвлечения внимания от пыток нацистами русских военнопленных и гражданского населения (например, в Мариуполе и других городах).

В качестве меры по недопущению подобной провокации российскому командованию северной группировкой войск при выводе войск необходимо было зафиксировать улицы Бучи и других городов на видео, с привязкой ко времени и местности. После вывода войск через все СМИ и прочие информационные ресурсы следовало обнародовать данную информацию, показав, что не было никаких трупов и т. д. При этом часть доказательств следовало оставить до момента, когда Запад начал бы распространять фейки о массовых убийствах, чтобы мгновенно через российские и зарубежные СМИ отражать подобные информационные атаки.

Формы и методы информационной борьбы

С началом СВО в противостоянии России и США в информационной сфере (в которой украинская сторона используется американской разведкой в роли плацдарма и контрагента) произошла следующая перестройка всей структуры проводимых нашими странами специальных мероприятий - они выстроились в четыре яруса:

- стратегические информационные операции (Буча, с прицелом на международный трибунал);
- спецпропаганда (разложение противника, дискредитация его лидеров, подрыв политической стабильности);
- фейки (создание ажиотажа и паники с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект);
- оперативные игры (с олигархами, готовыми ради личного спасения на все; так называемые «переговоры о мире»).

На вершине этой пирамиды по-прежнему остаются стратегические информационные операции - оперативные комбинации, способные дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Прежде, в период «после Крыма» (с 2016 по 2021 г.), этот вид операций был доминирующим: к ним относятся и «дело Скрипалей», и «допинговый скандал с WADA», и «дело об аргентинском кокаине», и «захват группы так называемых вагнеровцев в Беларуси в 2020 году», и даже «дело об отравлении Навального» [3].

Но с началом СВО их число резко сократилось, и сегодня мы можем указать только на один пример такой операции, развернувшейся вокруг «инцидента в Буче», и несколько инцидентов, которые, возможно, тоже рассматриваются США как «крючки» для новых оперативных комбинаций: «обстрел российскими войсками Запорожской АЭС» (риск ядерной катастрофы), «Россия - спонсор международного терроризма»³, «ракетный удар по торговому центру в Кременчуге»⁴, «применение Россией химического оружия в Донбассе»⁵ и т. д. По своим целям и пошаговой схеме «инцидент в Буче» полностью повторяет «дело Скрипалей» [4] и недавнюю операцию США против Беларуси, связанную с побегом в Польшу авиадиспетчера О.Галегова, давшего показания по делу «Ryanair»⁶.

Цель таких операций - выдвижение обвинений в адрес руководства страны-противника в совершении военных или иных преступлений (как правило, против человечности), терроризме, геноциде, применении ОМУ (а в случае с посадкой «Ryanair» - в воздушном пиратстве) и посадить его на скамью международного трибунала (по примеру С.Милошевича).

Второй ярус этой пирамиды в зоне СВО занимает спецпропаганда - меры, направленные на разложение противника, дискредитацию его лидеров, подрыв политической стабильности внутри воюющего государства. Эти методы составляют не менее 80% от всего объема разведывательно-диверсионной и подрывной деятельности в информационном пространстве, проводимой обеими сторонами в зоне СВО и за ее

пределами (нами - в поддержку СВО, украинцами - против). Применяемые в этом вооруженном конфликте формы и методы спецпропаганды не отличаются от тех методов, которым обучали еще в советских военных академиях; единственное отличие современной спецпропаганды от пропаганды советского периода - каналы связи и доведения управляющего воздействия до целевых аудиторий (прежде всего социальные сети и мессенджеры), которые позволяют спецпропагандистам действовать точно, адресно, избирательно.

Третий ярус занимают фейки - специфическая форма дезинформации, - которые в данном конфликте применяются массово с целью насаждения страха, паники, ажиотажа, распространения слухов, разжигания ненависти и впервые с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект.

Особенно хорошо это видно на примере украинской пропаганды. С момента начала СВО украинская сторона поставила производство фейков не конвейер: их стали производить массово, очень низкого качества, пытаясь задавить российскую контрпропаганду лавиной резонансных разоблачений, инсайдов, компромата и клеветы. При этом о качестве фейков, по-видимому, не думали, их «клепали» едва ли не «на коленке» и все кому не лень - от сотрудников центров специальных психологических операций до волонтеров. При этом даже в тех случаях, когда попадались качественно сделанные фейки, в них специально добавляли разного рода нестыковки, позволяющие противнику их заметить (т. е. «клюнуть» на них, как на приманку), выявить и публично разоблачить.

В результате на выявление и разоблачение этих фейков и были отвлечены практически все без исключения силы и средства российских ведомств, хоть что-то понимающих в информационных операциях. К тому же выяснилось, что разоблачать такие топорно сделанные фейки легко, выглядят эти разоблачения эффектно, дают хорошую статистику «побед», которая очень нравится руководству. Судя по всему, это и было главной целью массовой фейковой атаки: как только все кадры переключились на отлов и разоблачение фейков, некому стало заниматься настоящими информационными операциями, такими как «инцидент в Буче».

СВО выявила еще одно предназначение фейков - инструмент скрытого управления противником, мотивируя его на сознательное тиражирование фейков по собственным каналам коммуникации (в подконтрольных ему СМИ, социальных сетях, мессенджерах). Выяснилось, что фейки:

- обеспечивают повтор, тиражирование и распространение украинской пропаганды путем воспроизведения фейков на российском телевидении и в электронных СМИ;

- создают каналы доведения дезинформации и вредоносных идеологических установок до широкой российской аудитории (благодаря попаданию их в российские СМИ и особенно на телевидение на ток-шоу; в результате оказывается, что одиозный фейк, который и видели-то в сетях два десятка человек (да и тем он был не интересен), попадает на экраны российского телевидения в какой-нибудь передаче типа «Антифейк»⁷ и разносится на многомиллионную российскую аудиторию, причем делается это добровольно, безвозмездно, без какого-либо принуждения с украинской стороны);

- формируют «эффект ведомого» (возникает в том случае, если противник увлекается разоблачением подсовываемых ему фейков, забывая о том, что в фейках может быть закодирована последовательность команд, управляющих подсознанием человека напрямую, незаметно для его сознания; в этом случае противник послушно следует той линии обсуждения, которую ему навязывают с помощью вброса фейков, каждый раз модифицируя его сознание новыми «инъекциями» вредоносной информации и «ведя» его, как волка по красным флажкам, к тем выводам и оценкам, которые выгодны укронацистам. Тем самым фейки становятся инструментом нейролингвистического программирования);

- создают канал OSINT (получения разведывательной информации из открытых источников путем снятия информации с противника в виде ответной реакции так называемых «прокремлевских спикеров», входящих в идеологический пул, на открытых

площадках - федеральных ток-шоу; многие из них получают «темники», которые и озвучивают в меру своих талантов - как правило, достаточно близко к исходному тексту, по которому можно судить о планах, настроениях, уверенности/неуверенности в собственных силах и, главное, о том, что реально боятся «там», в центрах принятия решений).

Действительно, благодаря специфике функционирования административного аппарата и его тяге к «демонстрации результатов» вышестоящему руководству, причем «нарастающим итогом», украинские фейки (специально сделанные с дефектами - так, чтобы их было сравнительно легко заметить и разоблачить) подхватываются российскими структурами, ответственными за контридеологическую борьбу, продвигаются на каналы центрального телевидения, где их сначала повторяют дословно, то есть тиражируют, а затем, как правило, устами крайне сомнительно выглядящих, потрепанных жизнью «экспертов» (или людей, назвавшихся таковыми) пытаются опровергнуть.

При этом аудитория запоминает сам фейк (т. к. он идет первым, и он же создает первое впечатление, которое потом крайне сложно перебить) и совсем не запоминает лепет приглашенных «спикеров» или «экспертов». Затем этот же фейк подхватывают нью-медиа и уже они добирают ту аудиторию, которую не охватили телеканалы и их ресурсы в сети Интернет. Таким образом, получается, что большую часть работы по обеспечению успешности проводимых противником идеологических диверсий по распространению фейков за украинцев делаем мы же - российская сторона, сами этого не осознавая. Это мы зачастую предоставляем им свои СМИ в качестве каналов доведения фейков до российской же аудитории, добровольно и без принуждения.

Этот механизм распространения фейков на самом деле не нов и полностью соответствует основному принципу специальных информационных разведывательных операций: противника надо простимулировать только один раз; все остальное он должен сделать сам - собственными руками завалить свою же тайную операцию, раскрыть свою агентуру и быть при этом совершенно уверенным в том, что он все делает правильно, потому что другого выхода у него нет.

На четвертом - самом нижнем по интенсивности, но не по значению - ярусе ведения информационной войны против России расположены оперативные игры, ведущиеся иностранными разведками (ЦРУ и МИ-6, но не только) с российскими олигархами, банкирами, руководителями госкорпораций - с теми, чьи интересы в основном на Западе [2] и кто боится потерять свои активы в Лондоне, Женеве и других местах. Это серьезный страт, имеющий влияние на принятие политических решений. Кроме того, их капитал - не национальный, а часть мирового транснационального капитала, неразрывно связанная с ним множеством нитей.

Первым «звонок» для такой категории граждан стали аресты их яхт; очевидно, что это только начало. Связи с олигархами нужны иностранным разведкам прежде всего для организации насильственной смены власти в РФ - для реализации госпереворота по венесуэльскому сценарию (повторению так называемого «венесуэльского прецедента» [5, с. 3-8] в российских условиях), или по сценарию гибридной «цветной революции» в Беларуси в 2020 году (которая сама является дальнейшим этапом развития технологии «венесуэльского прецедента»), или для финансирования изнутри массовых протестов по сценарию выборов в Мосгордуму в 2019 году (имевших также внутренние источники финансирования). Начало СВО на Украине создало условия как для осуществления классических разведывательных подходов к этим олигархам, так и для их последующего шантажа.

Заключение

Таким образом, с началом СВО на передний план выдвинулись классические приемы спецпропаганды (известные еще по холодной войне) и примитивные фейки с грубыми дефектами «сборки», вытеснив собой с театра военных действий более тонкие инструменты организации идеологических диверсий - оперативные комбинации и оперативные игры спецслужб. То же самое, по нашим наблюдениям, отмечалось и у

западных «партнеров» киевского режима - они тоже спешили как можно скорее и примитивнее опорочить репутацию Российской Федерации и ее Вооруженных сил, будто опасались, что СВО завтра закончится и они не успеют заскочить в «последний пропагандистский вагон». На протяжении всех семи месяцев СВО российских специалистов по информационным операциям не покидало ощущение того, что западная пропаганда делается в спешке, на ходу и порой случайными людьми. Это видно в фейках, которые довелось разоблачить в рамках проекта «Вбросам.нет»⁸. Между тем спустя шесть месяцев после начала СВО многие задачи по денацификации и демилитаризации Украины до конца еще не решены, и с течением времени нам следует ожидать возвращения на поле боя стратегических информационных операций, таких как «дело об аргентинском кокаине», «дело «Ryanair» и пресловутое «дело Скрипалей», адаптированных под новый театр военных действий.

¹Подробнее см.: *Стригунов К.С., Манойло А.В., Карпович О.Г., Петренко А.И.* Основные аспекты информационной войны против России в рамках текущего украинского кризиса // Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России. М.: Инфра-М, 2022. С.150-164.

²<https://www.belta.by/society/view/komitet-gosbezopasnosti-ofitsialnyj-kiev-tesno-vzaimodejstvuet-so-spetssluzhbami-zapada-491861-2022/>

³«Принято/согласовано в Сенате: резолюция принята в Сенате с поправкой и исправленной преамбулой путем голосования». См.: Сенат США призвал включить Россию в список стран - спонсоров терроризма // РИА Новости. 2022. 28 июля // URL: <https://ria.ru/20220728/rossiya-1805547333.html>

⁴27 июня 2022 г.

⁵«U.S. officials have obtained intelligence that Russia's announced military pullback from Ukraine's border was a deliberate ruse to mislead the United States and other world powers, four officials said Thursday, as President Biden offered a bleak warning that the Kremlin will launch an attack «in the next several days». См.: U.S. intelligence shows Russia's military pullback was a ruse, officials say // The Washington Post. 2022. Feb. 17 // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/17/ukraine-russia-putin-nato-munich/>

⁶Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down // NYT. 2021. Dec. 8 // URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html>

⁷Передача на Первом канале российского телевидения // <https://www.1tv.ru/shows/antifeyk>

⁸<http://www.vbrosam.net/>

Источники и литература

1. *Бобров А.К.* Циклы российско-американских отношений в постбиполярный период (1991-2021 гг.) // Вопросы политологии. 2022. №1. С. 164-180.
2. *Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К.* Новые поколения внешнеполитических доктрин России // Международная жизнь. 2022. №6.
3. *Манойло А.В.* Информационная война и новая политическая реальность. Ч. II // Вестник МГОУ. Электронный журнал. Серия Политология. 2021. №2 // URL: www.evestnik-mgou.ru
4. *Манойло А.В.* «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник МГОУ. 2019. №1.
5. *Манойло А.В.* Современная практика информационных войн и психологических операций. Вирусные технологии и эпидемии каскадного типа на примере операции по разоблачению агента влияния ЦРУ, бывшего вице-президента Венесуэлы Диосдадо Кабельо 17-21/08/2019 // Национална сигурност. 2019. №3.
6. *Тиханьчев О.В.* Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. №1.

7. Цыганков П.А. «Гибридные войны»: понятие, интерпретации и реальность // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: сб. М.: Изд-во Москов. университета, 2015. С. 42.
8. Cortright D., Lopez G.A. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft . New York: Rowman & Littlefield, 2002. P. 256.
9. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // Russia in Global Affairs. 2019. №2. P. 108-125.